

- СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1916), е.х. 52.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1917), е.х. 19.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1918), е.х. 17.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1923), е.х. 19.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1924), е.х. 25.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1925), е.х. 20.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 44.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 65.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 66.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 68.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 69.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 71.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 73.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 2, е.х. 117.

С.А. Корсун

Л.Я. Штернберг как американист

Научная деятельность Льва Яковлевича Штернберга была неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ). Как этнограф, он занимался изучением народов района нижнего Амура и Сахалина. Что касается его вклада в американистику, то в этой области деятельность Л.Я. Штернберга была направлена на комплектование коллекций. Освещению этого аспекта многогранной деятельности Л.Я. Штернберга (его роли в пополнении американских фондов МАЭ) посвящена настоящая статья.

В студенческие годы Л.Я. Штернберг состоял в революционной организации «Народная воля». В 1886 г. его арестовали, в период с 1889 по 1897 гг. он находился в ссылке на острове Сахалин. Во время ссылки Л.Я. Штернберг решил на практике осуществить свои революционные идеи и «ушел в народ», т.е. стал заниматься изучением культуры коренного населения.

В 1894 г. директором МАЭ избрали академика Василия Васильевича Радлова (1837–1918). С его приходом наступил новый период в истории музея. В.В. Радлов начал коренные преобразования в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций; образо-

вательной, выставочной и научной деятельности. К тому времени «тысячи предметов датировались временем Петра Великого и его Кунсткамеры. Документы к ним давно погибли или были не известны; редкие старинные этикетки носили загадочные номера, ничего не говорившие регистратору. Огромные коллекции Адмиралтейского департамента и И.Г. Вознесенского имели кое-какие описи, но, вследствие отсутствия нумерации на самих предметах, требовались огромные усилия, иногда остававшиеся бесплодными, чтобы подыскать предметы, соответствующие описям» [Штернберг 1917: 248].

В 1899 г. Л.Я. Штернберг приехал в Санкт-Петербург для публикации своих полевых материалов по языку и этнографии нивхов. В конце XIX в. в Императорской Академии наук (ИАН) широко обсуждался предстоящий в 1903 г. 200-летний юбилей основания Санкт-Петербурга. В связи с организацией праздничных мероприятий В.В. Радлову удалось добиться расширения экспозиционных площадей музея и увеличения его штата. К юбилею Санкт-Петербурга было решено открыть новую экспозицию, для ее создания провели ревизию коллекций.

Л.Я. Штернберг начал работу в МАЭ в 1901 г. в возрасте сорока лет. К этому времени он имел большой опыт полевой работы, но специального образования и опыта музейной работы у него не было. В.В. Радлов, принимая Л.Я. Штернберга на работу, сказал: «Музейным человеком никто не рождается, музейные люди вырабатываются в процессе работы» [Ратнер-Штернберг 1928: 35]. Эти слова в отношении Л.Я. Штернберга полностью оправдались. Он стал незаменимым помощником В.В. Радлова в деле преобразования музея.

Для создания новой экспозиции несколько тысяч предметов разделили «сначала по крупным территориям, затем по отдельным культурно-этническим группам и внутри каждого подразделения распределили объекты по отделам и подотделам культуры» [Штернберг, Ольденбург 1907: 53–54]. Все сотрудники музея работали с большим энтузиазмом. В течение 1902–1903 гг. они создали новую экспозицию.

Знакомство со всем собранием музея позволило определить лакуны в «культурно-этнических группах». Выяснилось, что среди североамериканских коллекций, кроме народов Русской Америки, имеется лишь около десятка предметов по «канадцам» и около со-

рока по ирокезам. Еще хуже обстояло дело с коллекциями по народам Центральной и Южной Америки. Несколько сот народов этого региона были представлены 257 предметами, из них лишь коллекция Г.И. Лангсдорфа была собрана во время научной экспедиции. Остальные вещи относились к случайным сборам и не могли дать представления о традиционной культуре отдельных народов. В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг пришли к выводу, что дальнейшая работа в музее невозможна без знания методики этнографического музееведения в других странах и без подготовленных специалистов.

При преобразовании музея приходилось преодолевать множество бюрократических преград. Получение дополнительных ассигнований в первые пятнадцать лет работы в музее было главной задачей для В.В. Радлова. «В.В. Радлов взял на себя самую неприятную и, может быть, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и всюду интересов Музея: официальное его положение как директора Музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, невзирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался «антишамбировать», т.е. ждать очереди в приемных министров и других сановников» [Ратнер-Штернберг 1928: 37].

В 1903 г. Л.Я. Штернберг предпринял научную командировку для знакомства с организацией музейного дела в Германии. Он посетил ряд музеев Берлина и Лейпцига и установил партнерские отношения с немецкими коллегами. В Лейпциге Л.Я. Штернберг познакомился с Германом Мейером (1871–1932), (братом Ганса Мейера), который в течение 1895–1896 и 1898–1899 гг. проводил этнографические исследования в Бразилии и Эквадоре. В дальнейшем Г. Мейер стал постоянным корреспондентом МАЭ, он жертвовал музею значительные суммы денег, оплачивал покупку коллекций и организацию экспедиций. В Санкт-Петербург Л.Я. Штернберг привез коллекцию Г. Мейера из 203 предметов культуры индейцев района верховий Шингу (№ 785). В 1904 г. благодаря посреднической деятельности Г. Мейера МАЭ получил две коллекции по арауканам, огнеземельцам, аймара и археологическим артефактам из 698 предметов, собранных Оскаром Менгельбиром в Чили, Перу и Боливии (№ 845 и 846).

Оказалось, что самое главное — это правильно организовать процесс поступления коллекций: найти меценатов в России и партнеров за границей, установить обменные связи с европейскими и американскими музеями, профинансировать экспедиции отдельных исследователей. Еще в 1900 г. В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург во время работы XII конгресса ориенталистов, проходившего в Риме и Гамбурге, выдвинули идею создания Международного комитета по изучению Восточной и Средней Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Идея была поддержана участниками конгресса.

В 1902 г. В.В. Радлову поручили подготовить устав этой международной организации и создать ее отделение в России, которое стало называться Русским Комитетом. В.В. Радлов включил в устав пункт, по которому все коллекции, собранные сотрудниками Русского Комитета, поступали в МАЭ. В 1903 г. Русский Комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у администрации МАЭ появились свободные средства для планомерных сборов коллекций среди народов Азии, как в России, так и за рубежом. Часть вновь поступавших азиатских коллекций обменивали в зарубежных музеях на коллекции по народам Америки, Африки и Океании. В период с 1903 по 1916 гг. МАЭ ежегодно получал сотни, а в некоторые годы и тысячи предметов по культуре народов Америки.

***

Сотрудничество между МАЭ и Американским музеем естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) началось в 1898 г., когда руководитель Этнологического отдела этого музея Франц Боас (1858–1942) обратился с письмом к В.В. Радлову. Он просил порекомендовать русских ученых для работы в Джезуповской экспедиции. В.В. Радлов рекомендовал для проведения исследований в Сибири бывшего политического ссыльного, члена ИРГО — В.И. Иохельсона. Он, в свою очередь, привлек к участию в экспедиции В.Г. Богораза — также бывшего народовольца, специалиста по этнографии чукчей. Во время работы в Джезуповской экспедиции в 1900–1902 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением юкагиров и коряков, а В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов.

Еще в 1903 г. В.В. Радлов в письмах к Ф. Боасу рекомендовал Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с АМЕИ. В августе 1904 г. Л.Я. Штернберг как представитель МАЭ вместе с В.И. Иохельсоном, делегатом от АМЕИ, и В.Г. Богоразом, делегатом от Московского общества любителей естествознания, участвовал в работе XIV Международного конгресса американистов в Штутгарте. На конгрессе он познакомился с Ф. Боасом и встретился не только с европейскими учеными, но и с исследователями из Аргентины — С. Лафоне Кеведо, Р. Леман-Нитше и Х.Б. Амбросетти. Благодаря новым контактам в 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по индейцам Аргентины (№ 938 и 939).

Командировка Л.Я. Штернберга в США состоялась в 1905 г. Ее профинансировали за счет средств Джезуповской экспедиции. Л.Я. Штернберг писал: «Начиная с 15 апреля по 30 июля я работал в Нью-Йорке в **American Museum of Natural History** в антропологическом отделе, знакомясь специально с американскими собраниями, а также с собраниями из Приамурского края. С этой же целью две недели провел в Чикаго, где работал преимущественно в **Columbian Fields Museum**» (цит. по: [Станюкович 1986: 86]). За время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ К. Уисслером Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ [Купина 2004: 55]. В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя Этнологического отдела АМЕИ.

Обмен с американскими музеями оказался дорогостоящим для МАЭ. При отправке коллекций через океан приходилось оплачивать транспортные расходы и таможенный сбор, что было весьма накладно при скудном бюджете музея. Главным при обмене оказались не научная ценность предметов или их количество, а вес и размеры ящиков, в которых они перевозились. Л.Я. Штернберг писал: «В виду трудности и дороговизны собирания коллекций в Северной Америке, вследствие конкуренции американских музеев, не останавливающихся ни перед какими материальными затратами, Музею

трудно было, при прежнем его бюджете, делать приобретения в этой части света» [Штернберг 1917: 262].

В дальнейшем В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг стали искать более дешевые и надежные способы пополнения музейных фондов по народам зарубежных стран. В 1906 г. началось сотрудничество администрации музея с меценатом, антикваром Е.И. Александром, когда в МАЭ поступила южноамериканская коллекция из более 250 предметов от Д.Г. Гинцбурга (№ 1063).

В сентябре-октябре 1907 г. В.В. Радлов совершил длительную поездку, в ходе которой посетил музеи Стокгольма, Копенгагена, Лейпцига, Гамбурга, Берлина и еще нескольких городов Германии. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Африки, Юго-Восточной Азии, Сибири и т.д. У каждого музея были свои возможности формировать коллекции. Некоторые музеи имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках.

Познакомившись с опытом обменных операций между музеями Европы, В.В. Радлов решил принять активное участие в межмузейном обмене. МАЭ должен был предоставить для обмена те коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях. Это коллекции по народам России, главным образом — по народам Сибири. Однако дело осложнялось тем, что МАЭ не имел обменного фонда таких коллекций, и вообще народы России были крайне скудно представлены в его фондах. Например, собрание по народам Сибири в 1889 г. насчитывало всего 1223 предмета. Поэтому было необходимо срочно организовать экспедиции по сбору коллекций внутри страны.

***

В сентябре 1908 г. Л.Я. Штернберг принял участие в XVI Международном конгрессе американистов в Вене, он был единственным представителем от России. Среди участников конгресса были Ф. Боас из США, В. Тальбицер из Дании, К.В. Хартман (Гартман) из Швеции, Э.Г. Зелер, М.Ф. Уле, К.Т. Пройсс из Германии, Р. Леман-Нитше из Аргентины и другие известные американисты. Особое внимание Л.Я. Штернберга привлек доклад Ф. Боаса: «Гвоздем Конгресса был

вступительный доклад профессора в Колумбийского университета в Нью-Йорке Франца Боаса. <...> Тема, выбранная им для своего доклада, “Результаты Джезуповской экспедиции” — по обширности затрагиваемых проблем была вполне достойна и момента, и докладчика. <...> Всестороннее изучение культуры северо-востока Сибири, начиная с берегов Амура и заканчивая Беринговым проливом, обнаружило замечательные сходства в особенностях материального быта, в мифологии, религии, преданиях, эпосе с окраинными народами тихоокеанского побережья С. Америки. Эти сходства настолько поразительны, что докладчик — кстати сказать, вообще принципиальный противник английской теории самостоятельного происхождения подобного рода культурных сходств и державшийся теории индивидуального развития каждого типа культуры, — в этих сходствах видит лучшее доказательство общности и единства происхождения этих культур» [Штернберг 1908: 1251–1252].

На конгрессе Л.Я. Штернберг вновь встретился с Хуаном Баутиста Амбросетти (1865–1917), который с 1904 г. являлся директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса. «Встретившись в Вене со Штернбергом, Амбросетти предложил ему установить непосредственный обмен экспонатами с музеем в Буэнос-Айресе. Аргентинского исследователя давно привлекали материалы по этнографии России, ему хотелось познакомить соотечественников с обычаями многочисленных народов нашей страны. Музей антропологии и этнографии не менее нуждался в пополнении своих латиноамериканских собраний, и Штернберг охотно принял это предложение. С тех пор между ними началась переписка, и было положено начало регулярному обмену петербургского музея с буэнос-айресским» [Лукин 1965: 132]. В 1909 г. из Аргентины поступила интересная археологическая коллекция из районов Кольчаки, селений Тилькара и Ла-Пайе из 84 предметов (№ 1481). В следующем году — этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте из 65 предметов (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего города Ри Кача из 144 предметов (№ 1800).

Также внимание Л.Я. Штернберга привлек доклад сотрудника Музея народоведения Берлина Конрада Теодора Пройсса (1869–1938) о результатах его экспедиции 1905–1907 гг. к индейцам западной

Мексика — кора и уичоль. Л.Я. Штернберг писал: «Замечательным признаком проникновения новых методов этнографии в область изучения американских древностей служит доклад сравнительно молодого мексиканиста — д-ра К.Th. Preuss (Берлин); «Праздник вина у племени Кора западных склонов Сьерра Мандре (Мексика). В методологическом отношении доклад этот, составляющий отрывок из большой работы о религии ново-мексиканских племен, изученных докладчиком на месте, интересен тем, что опытный мексиканист, ассистент профессора Зелера, убедившись в недостаточности изучения кодексов и памятников искусства для понимания духа религии древних мексиканцев, решил обратиться к живому источнику — к изучению современных индейцев, прямых преемниках древних мексиканцев. И действительно, в обрядах годовых праздников этих племен, в песнях и молитвах, доньше ими употребляемых и тщательно записанных докладчиком, он отыскал искомый ключ к пониманию годовых праздников древних мексиканцев. И многие еще очень недавно скептически относившиеся к попыткам этого сравнительно молодого ученого применить данные этнографии к познанию мексиканских древностей теперь, после последней экспедиции Прейса, начинают мириться с казавшимся им раньше претенциозным новаторством» [Штернберг 1908: 1254]. Л.Я. Штернберг договорился с К.Т. Пройсом о сборе коллекции по культуре кора и уичоль для МАЭ во время его следующей экспедиции.

На конгрессе Л.Я. Штернберг познакомился с чешским исследователем Альбертом Войтех Фричем (1882–1944), который к тому времени совершил три экспедиции в Южную Америку и выступал с пламенными речами в защиту индейцев. А.В. Фрич с детства увлекался ботаникой. Чтобы изучать тропические растения в природных условиях, в 1901–1903 гг. он предпринял экспедицию в Бразилию. Здесь А.В. Фрич встретился с итальянским художником и путешественником Г. Боджани — автором книги об индейцах кадиувео. Под его влиянием А.В. Фрич постепенно увлекся этнографией. Во время следующей экспедиции в Южную Америку в 1903–1905 гг. А.В. Фрич занимался в основном этнографией. Третья экспедиция А.В. Фрича в Бразилию, Парагвай и Аргентину состоялась в 1906–1908 гг., когда он собирал коллекции, главным образом, для музеев Германии.

После завершения работы конгресса Л.Я. Штернберг посетил Прагу для осмотра коллекций А.В. Фрича, собранных во время второй и третьей экспедиций. Они заключили соглашение о сотрудничестве, которое оказалось очень продуктивным. В 1909 г. у А.В. Фрича было приобретено около 1650 предметов, которые вошли в девятнадцать коллекций. МАЭ полностью профинансировал его четвертую экспедицию 1909–1912 гг. и получил более 700 предметов по традиционной культуре чамакоко, тумраха, моротоко, чиригуано и кадиувео [Зиберт 1961; Бородатова 1996; Ершова, Корсун 2005: 47–50].

Кроме вещевых коллекций, А.В. Фрич передал в музей несколько иллюстративных собраний. Это коллекция № 1391 из 239 фотографий большого формата, сделанных А.В. Фричем и Г. Боджани среди племен бороро, кадиувео, чамакоко, санапано, тоба. Также к оригинальным материалам А.В. Фрича относятся два фотоальбома, в одном из которых имеется карта его путешествий по Южной Америке, фото отдельных предметов этнографической коллекции и фото А.В. Фрича с группой индейцев.

Кроме вышеперечисленных контактов с зарубежными американистами на конгрессе в Вене, Л.Я. Штернберг заключил соглашение об обмене коллекциями с директором Государственного естественно-исторического музея (ГЕИМ) Стокгольма Карлом Хартманом (1862–1941) [Станюкович 1986: 87; Отчет 1909: 24]. Схема обмена выглядела следующим образом. МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые не регистрировались, а сразу поступали в обменный фонд музея. Затем за счет средств меценатов эти коллекции отправлялись в Лейпциг на имя Г. Мейера, который по своему усмотрению мог их продавать или обменивать. Главное, что требовалось от него, — подобрать коллекции по народам, которые не были представлены в МАЭ. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеями народоведения Берлина, Лейпцига, Гамбурга, а также с коммерческим предприятием «Музей Умлауффа» в Гамбурге.

К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе. Он в обмен на коллекции по народам России регулярно отправлял Г. Мейеру собрания по народам тех районов мира, которые были необходимы для МАЭ. Таким образом, для МАЭ значительно расширилась возможность получения коллекций из «экзотических» стран. «Главное

внимание при этом способе приобретения обращалось на то, чтобы приобретаемая коллекция представляла собой целое, научно собранное и описанное собрание, добытое из специальной экспедиции или от ученых путешественников» [Штернберг 1917: 259].

Соглашение заработало практически сразу, в конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александра музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Также в его состав входили вещи, которыми МАЭ расплатился с Е.И. Александром за покупку коллекций у собирателей. Так, Е.И. Александеру передали коллекцию по ненцам и коми из двух тысяч предметов из сборов А.В. Журавского, так как именно Е.И. Александр в 1906 г. выделил деньги на его исследования. Планировалось, что после доставки коллекции в Санкт-Петербург музей выплатит Е.И. Александеру половину суммы, затраченную на приобретение коллекции, и она будет поделена пополам между музеем и меценатом. Однако осенью 1908 г., когда собрание А.В. Журавского поступило в МАЭ, у В.В. Радлова не оказалось свободных средств. И всю коллекцию, за исключением 75 предметов, передали Е.И. Александеру.

Таким образом, собиратели приобретали коллекции на местах, которые МАЭ покупал на деньги Е.И. Александра, за что он получал часть коллекций. Затем эти коллекции продавали или обменивали в Германии. Пикантность ситуации заключалась в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александра, так как музей, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции.

Московский этнограф В.В. Богданов, посетивший Германию в 1910 г., писал: «В Лейпцигском этнографическом музее <...> мне пришлось обратить внимание на некоторые предметы сомнительного происхождения. Мне и тогда было известно, что в Гамбурге существовала фирма Александра, которая занималась специальным посредничеством с разными этнографическими музеями по закупке “дублетов”, которые и отсылала заказчикам. В то же время в Петербурге был открыт секрет этой фирмы, изготовлявшей самостоятельно музейные предметы по нужным образцам» [Богданов 1993: 8].

Чтобы официально оформить межмузейный обмен, в 1909 г. в МАЭ создали Попечительский совет во главе с князем А.Г. Романовским, в состав которого вошли несколько богатых меценатов:

Е.И. Александер, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Э. Нобель и др. В отличие от Е.И. Александера другие меценаты помогали музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины или ордена.

С.А. Ратнер-Штернберг отмечала: «75 % южноамериканских коллекций получены как дар либо от самих собирателей, либо от жертвователей, как Герман Мейер, Л.М. Скидельский, Е.И. Александер и др. Этим лицам указывалось на желательность приобретения данной коллекции, и они ее покупали, в награду за что получали иногда от царского правительства ордена и чины, добывать которые, впрочем, было делом далеко не легким и лежало на обязанности В.В. Радлова» [Ратнер-Штернберг 1928: 51].

***

В мае 1912 г. Л.Я. Штернберг вместе с В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом принял участие в работе XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне, где произошла очередная встреча с Х.Б. Амбросетти. После завершения работы конгресса Х.Б. Амбросетти посетил Санкт-Петербург для знакомства с собранием МАЭ, которое он осмотрел с большим интересом. Х.Б. Амбросетти обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.Е. Гильзен написал статью об этом экспонате и о связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918].

В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил пятнадцать археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов. В свою очередь, МАЭ отправил в Буэнос-Айрес не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965: 133].

Среди участников лондонского конгресса были А. Хрдличка, К.В. Хартман и Ф. Боас, с которым у Л.Я. Штернберга не прерывалась переписка со времени их знакомства в Штутгарте в 1904 г. Встретившись на конгрессе, они продолжили сотрудничество. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас продолжал преподавать в Колумбийском университете Нью-Йорка. В 1908–1913 гг. среди индейцев виннебаго в штатах Висконсин и Небраска проводил исследования ученик Ф. Боаса — Пол Радин (1883–1959). В быту виннебаго уже не отличались от окружающего «евро-американского» населения,

но сохраняли представления о своей духовной культуре и связанные с ней предметы культа. МАЭ частично профинансировал экспедицию П. Радина и в 1914 г. через Колумбийский университет Нью-Йорка получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

В Лондоне Л.Я. Штернберг приобрел в антикварном магазине В.О. Олдмана шаманский костюм индейцев рукуйен (ояна) с территории Французской Гвианы (№ 2135) и от бразильского археолога А.К. Симоенса да Сильва получил в дар два каменных орудия (№ 1981). Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг познакомился и с немецким археологом К.Т. Штёпелем, который в 1911 г. проводил исследования в Колумбии и сделал гипсовые слепки нескольких древних статуй из района Сан-Аугустин. В Германии с них отлили бетонные копии, одну из серий которых МАЭ приобрел в 1913 г. на деньги В.В. Святловского (№ 2227).

Эти примеры показывают, что Л.Я. Штернберг использовал любые возможности для пополнения музейных фондов.

***

В 1912 г. увеличили штат музея, который до этого менялся только в 1836 и 1899 гг. Впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен, регистратором коллекций отдела Северной Америки назначили С.А. Ратнер-Штернберг (Штернберг), которая с 1910 г. являлась внештатным сотрудником. Л.Я. Штернберг одновременно возглавил два отдела — отдел Северной Америки и отдел Сибири и Севера России (другие названия — отдел Севера России, отдел народностей Азиатской России).

В 1912 г. МАЭ получил из Стокгольма через Лейпциг ряд коллекций из Сальвадора и Коста-Рики из более 270 предметов (№ 1982–1985, 4682, 6741), собранных К.В. Хартманом во время археологических экспедиций 1896–1897 и 1903 гг. К.В. Хартман неоднократно встречался с Л.Я. Штернбергом в Стокгольме, на международных конгрессах американистов и приезжал в Санкт-Петербург. С.А. Ратнер-Штернберг писала: «Так же сердечно было отношение к Л.Я. директора Стокгольмского музея Гартмана, который, приехав в Петербург, проводил с Л.Я. целые вечера и впоследствии органи-

зовал общую с Музеем экспедицию в Мексику» [Ратнер-Штернберг 1928: 49].

Начиная с 1912 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (МАО) проводили археологические исследования на территории Мексики в районе Аскапоцалько. Ф. Боас предложил руководству МАО и ГЕИМ принять доленое участие в финансировании этой экспедиции. В 1913 г. Л.Я. Штернберг посетил Стокгольм для обсуждения этого проекта с К.В. Хартманом. Коллекции планировалось разделить между тремя музеями. Свою часть коллекции из 225 предметов (№ 5481) МАО получил только в 1936 г.

Л.Я. Штернберг писал о сотрудничестве с К.В. Хартманом: «Несколько экспедиций (в Мексику, Восточную Африку, с.-з. Австралию и Мадагаскар) были предприняты со Стокгольмским музеем, и в настоящее время готовятся, совместно с тем же музеем, экспедиции в Австралию, Полинезию, Переднюю Азию и на Филиппины» [Штернберг 1917: 259].

Как упоминалось, в 1913 г. музей получил ряд ценных коллекций от Х.Б. Амбросетти. «Весной 1913 г. — писал Б.В. Лукин, — в Петербурге была изготовлена новая серия скульптурных изображений представителей народностей Сибири. Эти фигуры, выполненные из бисквитного фарфора по формам работы художника П.П. Каменского, предназначались для аргентинского музея. <...> В свою очередь, Амбросетти вместе с собственными сочинениями послал в Петербург ценные экспонаты, добытые в Парагвае среди индейцев гуаяки, и статью об этом племени, изданную музеем Ла-Платы, коллекцию фетишей индейцев Боливии и собрания предметов из пампы провинции Буэнос-Айрес и внутренних районов страны, материалы по этнографии индейцев чачо и аргентинских гуачо. “Также посылаю предметы с Огненной Земли, — писал он в сопроводительном письме, — подлинные и редкие, ибо индейцы быстро вымирают”. Кроме того, он преподнес музею археологическую коллекцию, присоединив поясняющую ее брошюру своего друга палеонтолога Флорентино Амегино» [Лукин 1965: 134].

В 1914–1915 гг. состоялась Вторая русская экспедиция в Южную Америку. Наряду с другими научными учреждениями МАО принял доленое участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили

студенты этнографы Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп, студенты зоологи И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и экономист С.В. Гейман. Участие музея в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы для приобретения коллекций и инструкций по их сбору и хранению.

По прибытии в Аргентину участники экспедиции оказались в трудном финансовом положении. В связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Большую помощь исследователям из России оказали местные ученые, с которыми Л.Я. Штернберг неоднократно встречался на Международных конгрессах американистов: Х.Б. Амбросетти, Р. Леман-Нитше, С. Лафоне Кеведо, М.Ф. Уле, А. Гальяро и другие.

В течение всего полугодового пребывания в Южной Америке участники экспедиции постоянно поддерживали деловую переписку с Л.Я. Штернбергом. По результатам этой экспедиции МАЭ получил более 750 предметов по традиционной культуре кадиувео, каинган, гуарани, шавантов, терена, арауканов, огнеземельцев.

Связи между МАЭ и зарубежными музеями были прерваны из-за начала в 1914 г. Первой мировой войны. И все же надо констатировать, что за короткий отрезок времени с 1905 по 1914 гг. между зарубежными музеями и МАЭ был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил около двадцати тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Ни в какой другой период своей истории музей не получал столь разнообразных и многочисленных коллекций по народам зарубежных стран [Ратнер-Штернберг 1928: 51–53; Штернберг 1917; Шафрановская, Азаров 1984].

***

Положение сотрудников музея после революции 1917 г. было очень тяжелым, приходилось работать в сырых холодных помещениях, скудный продовольственный паек выдавался по карточкам. Между тем существенно возрос поток посетителей, для которых музей был открыт шесть дней в неделю. Не выдержав нервного перенапряжения, голода и лишений, 12 мая 1918 г. на 82 году жизни скончался директор МАЭ академик В.В. Радлов. Вероятно, по этим же

причинам 30 мая в возрасте 54 лет скончался заведующий отделом Центральной и Южной Америки К.К. Гильзен.

После кончины В.В. Радлова Л.Я. Штернберг фактически возглавил музей. В 1918 г. он принял на постоянную работу В.И. Иохельсона на должность заведующего отделом народов Африки и В.Г. Богораз на должность заведующего отделом народов Центральной и Южной Америки. В 1918 г. благодаря деятельности Л.Я. Штернберга создали Географический институт с двумя факультетами: географическим и этнографическим. Позднее, в 1925 г., он вошел в состав ЛГУ. На географическом факультете ЛГУ осталось два отделения: географическое и этнографическое.

В отчете за 1919 г. Л.Я. Штернберг писал: «С горечью приходится констатировать, что текущая работа в отчетном году велась очень нерегулярно и была малопродуктивна. Нетопленное помещение, бедность и заботы о пропитании, дурное питание — все это тормозило работу; но по мере возможности работа продолжалась. Персонал бывает в Музее при температуре ниже нуля; регистрируются новые коллекции и книги, просматриваются списки, составляются карточки, пишутся новые путеводители и обсуждаются проекты улучшений и новых предприятий; некоторыми лицами готовятся к печати работы по музейным материалам» [Отчет 1920: 148].

В конце февраля 1921 г. В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности, освобождены они были только по поручительству Максима Горького. В.И. Иохельсон, сравнив годы, проведенные в царской ссылке, когда он участвовал в научных экспедициях, получал за это жалование и публиковался, и неделю в советской тюрьме, решил эмигрировать из страны и в августе 1922 г. уехал в США.

В 1924 г. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз приняли участие в работе XXI Международного конгресса американистов, который проходил в Швеции и Голландии. За три с половиной месяца пребывания в Европе (с августа по ноябрь) они посетили Голландию, Швецию, Данию, Англию, Францию и Германию.

Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг восстановил деловые связи с сотрудниками МААЭ и установил новые контакты с исследователями из США. В качестве дара от американского лингвиста Л. Блумфильда в 1925 г. МАЭ получил ожерелье индейцев кри

(№ 3266) и из МААЭ археологическую коллекцию образцов керамики и каменных орудий (№ 3123). Еще три археологические коллекции (№ 3834, 3913, 3938) от директора МААЭ (С.С. Willoughby) были получены в 1928–1929 гг., уже после кончины Л.Я. Штернберга.

«Более конкретные результаты этой поездки для Музея выразились в том, что Л.Я. добился в Стокгольме компенсации за финансовое участие в довоенной (в 1914 г.) совместной экспедиции в Мексику, лично отобрав в запасных кладовых Стокгольмского Музея (где, несмотря на сильное обострение своего недуга, он проводил целые дни) ряд коллекций по разным народностям Америки, Африки и Австралии в составе более 500 предметов. Кроме того, в Копенгагене он получил и переправил в Музей хранившуюся при Датском Колониальном Управлении большую (230 номеров) коллекцию из быта гренландских эскимосов, собранную незадолго до войны по поручению Музея и по инструкции Л.Я. через посредство супругов Хатт, работавших в нашем Музее целый год по изучению типов одежды» [Ратнер-Штернберг 1928: 48].

В последние годы жизни у Л.Я. Штернберга обострились хронические заболевания. «В 1926 г., уже совершенно больной, он совершил трудную поездку в Токио через всю ширину континента Евразии для того, чтобы участвовать в Тихоокеанском конгрессе. <...> Тридцать дней железнодорожного странствия, бурное море, конгресс и поездка к айнам — все это давало одновременно духовное удовлетворение и физическую муку» [Богораз 1927: 282].

14 августа 1927 г. Л.Я. Штернберга не стало. На его смерть пришло множество писем и телеграмм с соболезнованиями. «Характерно <...> письмо проф. Тальбицера из Копенгагена от 10 октября 1927 г., в котором он, узнав о смерти Л.Я., своего “дорогого друга”, между прочим, пишет: “Ваша страна потеряла в нем человека блестящего ума, искреннейшей и благороднейшей души, искателя идеальнейших и гуманистических истин, выдающегося человека науки”. Точно так же всемирно известный **Smithsonian Institution** в Вашингтоне в письме от 17 октября 1927 г. пишет, что в лице Штернберга “этнография всего мира” понесла “большую потерю”. В том же духе письмо проф. Прейса и мн. др., Франц Боас пишет, что он “гордится, что мог считать его в числе своих друзей”» [Ратнер-Штернберг 1928: 49–50].

Подводя итог собирательской деятельности МАЭ в первой четверти XX в., В.Г. Богораз отметил: «Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея большую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать, во все области и материка земного шара, развернулась с большой широтой. Мировая война застала экспедиции Музея в таких удаленных друг от друга местах, как Южная Америка, Индия и восточная Азия. <...>

Штернберг, потерявший в разгар разрухи <...> Радлова, был все же счастливее своего старшего друга и учителя. Ему выпало на долю завидное счастье видеть возрождение этого главного дела его жизни и самому участвовать и руководить грандиозной работой перестройки и расширения Музея, связанной с двухсотлетним юбилеем Академии наук в 1925 г.» [Богораз 1927: 278]. Международные связи сыграли существенную роль в дальнейшем пополнении фондов музея коллекциями по народам зарубежных стран.

Библиография

- Богданов В.В.* Музейная этнография. М., 1993.
- Богораз В.Г.* Л.Я. Штернберг, как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2. С. 269–282.
- Бородатова А.А.* Альберто Фрич и его американские коллекции // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1996. С. 284–303.
- Гильзен К.К.* Человеческая голова как трофей у индейцев племени мундуруку // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 351–358.
- Ершова Е.А., Корсун С.А.* Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. 50). 2005. С. 4–58.
- Зиберт Э.В.* Коллекции чешского исследователя А.В. Фрича в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. 1961. Т. 20. С. 125–143.
- Лукин Б.В.* Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 4. С. 129–137.
- Купина Ю.А.* Утраты или приобретения? (История коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 52–85.
- Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1908 год. СПб., 1909.

Отчет о деятельности Российской Академии Наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г. Пг., 1920.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. 7. С. 31–67.

Станюкович Т.В. Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1986. № 5. С. 81–91.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Культура народов Индонезии и Океании (Сборник МАЭ. Т. 39). 1984. С. 5–25.

Штернберг Л.Я. Отчет по командировке на XVI Международный конгресс американистов в Вене // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 2. С. 1249–1266.

[*Штернберг Л.Я. и др.*] Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241–308.

[*Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др.*] Музей антропологии и этнографии за 12-летие управления В.В. Радлова // Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Список сокращений

АМЕИ — Американский музей естественной истории (Нью-Йорк)

ГЕИМ — Государственный естественноисторический музей (Стокгольм)

ИАН — Императорская Академия наук

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

МААЭ — Музей американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (Кембридж)

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

СЭ — Советская этнография